

# Вопросы *Литературы*

10-й год издания

Ежемесячный журнал

ОРГАН  
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР  
И ИНСТИТУТА  
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО  
АКАДЕМИИ НАУК СССР

**5**

**М А Й**



**МОСКВА**

**1966**

Д. ЛИХАЧЕВ

## В поисках единомышленников

**И**нститут славяноведения Парижского университета опубликовал отдельной книгой труд покойного ленинградского преподавателя М. И. Успенского «Небольшие исторические данные о происхождении «Слова о полку Игореве»<sup>1</sup>. Издан этот труд со всеми признаками внешней текстологической скрупулезности: с соблюдением орфографии оригинала (М. Успенский писал его в 1925 году в Ленинграде, но по старой орфографии), с сохранением ошибок, оговариваемых в подстрочных примечаниях, с указанием переходов со страницы на страницу, с примечаниями, отмечающими различные особенности рукописи (пропуски, добавления, вставки, исправления и т. д.). С такой строгостью не издаются даже черновики Пушкина, Тургенева и Достоевского!

Публикации предпослан полный перевод труда М. Успенского на французский язык. В предисловии отмечается, где хранится труд (в архиве Пушкинского дома АН СССР) и когда он был переписан там его публикатором — профессором А. Мазоном (в 1959 году). В предисловии, а затем в особом примечании в конце книги приводится длинный список лиц, помогавших профессору А. Мазону в его публикации. В особых приложениях приводятся материалы, проливающие свет на биографию М. Успенского (печатаются его служебная автобиография, его заявления и список его печатных работ), а среди иллюстративных материалов обращают на себя внимание два фотографических портрета

<sup>1</sup> Quelques données historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866—1942). Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Michel Laran, Paris, Institut d'études slaves de l'Université de Paris, 1965, 175 pp.

М. Успенского. К сожалению, в издании отсутствует комментарий к его работе, в котором, несомненно, нуждается труд столь солидной давности.

Внешняя скрупулезность издания находится, очевидно, в связи с двумя обстоятельствами, отмечаемыми в предисловии: 1) работа М. Успенского заполняет лакуну в историографии скептического отношения к «Слову», длившуюся более полувека, и 2) работа М. Успенского может и сейчас служить отправной точкой для всех будущих исследователей «Слова». Столь ответственные утверждения заставляют и нас внимательно отнестись к предлагаемой нашему вниманию публикации.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, что же, собственно, издано А. Мазоном и М. Лараном? Ознакомление с рукописными материалами М. Успенского, хранящимися в Пушкинском доме, и их парижским изданием не убеждает нас в том, что перед нами законченный труд и достаточно тщательное его издание.

Обращает на себя внимание, что само название труда М. Успенского, не совсем обычно звучащее для русского уха,— «Небольшие исторические данные о происхождении «Слова о полку Игореве» и Тмутороканского камня»<sup>1</sup>,—отсутствует в рукописи. Напечатанное по старой орфографии, как и вся рукопись, это название невольно заставляет читателя подумать, что оно принадлежит самому М. Успенскому. Однако в рукописи стоит другое название: «Происхождение «Слова о полку Игореве» и Тмутороканского камня (исторический очерк)». Название это не оправдывается содержанием рукописи и поэтому, очевидно, было переименовано издателями без всяких оговорок. На самом деле замысел М. Успенского не был им осуществлен: работа осталась в незаконченном и черновом виде. Это обстоятельство также в издании не оговорено публикаторами. Между тем подчеркнуть незавершенность работы М. Успенского было бы важно. Это сразу же объяснило бы, без лишних разговоров, почему автор не сделал никаких попыток так или иначе довести ее содержание до сведения специалистов — хотя бы на собраниях у С. Ф. Ольденбурга, столь хвалимых А. Мазоном за их свободный дух (см. предисловие, стр. 7). Объяснение может быть только одно: М. Успенскому, бросившему свою работу за семнадцать лет до смерти, не удалось доказать, что «Слово о полку Игореве» якобы представляет собой фальсификацию, сделанную А. И. Мусиным-Пушкиным. Недобросовестность Мусина-Пушкина не удалось доказать М. Успенскому и в другой своей незавершенной работе, хранящейся в той же папке Пушкинского дома,— в незаконченной биографии Мусина-Пушкина. Множество выписок на отдельных листках из различных опубликованных материалов, находящихся там же, ярко де-

<sup>1</sup> По-русски не говорят «небольшие данные», но можно сказать «незначительные данные». Очевидно, последнее точнее и с точки зрения русского языка, и с точки зрения содержания публикуемого материала (об этом см. ниже).

монстрируют неудачу замысла М. Успенского. И кто знает, не представляет ли теперешняя публикация части его черновиков А. Мазоном и М. Лараном резкое нарушение авторской воли покойного?

Но вернемся к публикации А. Мазона и М. Ларана. К сожалению, она не может быть признана тщательной и во всех остальных отношениях. В издании перепутан порядок листов, хотя листы эти имеют четко проставленную М. Успенским чернилами пагинацию. Путаница начинается с листа 59 и продолжается до листа 67. Произошла она, очевидно, в результате того, что при издании публикаторы решили пропустить пустые листы, подчеркивавшие незаконченный характер рукописи. Так, например, лист 59 на самом деле пустой, а как лист 59 издан лист 66, как лист 60 издан лист 66 bis, вместо листа 61 издан лист 60 и т. д. Тексты, изданные как тексты оборотов листов (например, 69 об., 74 об., 52 об.), на самом деле — тексты записочек, попавших между листами случайно. Оборот одной из таких записочек (на стр. 69 в прим. 1) имеет продолжение, в издании не воспроизведенное. Рукопись не имеет окончания, что издателями не оговорено. Как окончание рукописи издан текст листа 22 bis (почему этот текст издан не на своем месте, А. Мазон в примечании 3 к этой странице не оговорил).

Рукопись имеет многочисленные карандашные исправления, дополнения, вычеркивания; часть из них в публикации оговаривается и воспроизводится, другая — остается неотмеченной. В двух местах часть листов вырезана бритвой, и это также не оговорено. В результате всех этих публикаторских вольностей труд М. Успенского внешне приобрел некоторую видимость законченности, в жертву чему принесен хронологический принцип в изложении взглядов скептиков и созданы некоторые дополнительные неясности. Так, например, на стр. 115 книги М. Успенский говорит: «Стоюнин, как сказано выше...», но выше о Стоюнине нет ни слова, а говорит о нем М. Успенский «ниже». Произошло это потому, что издатели произвольно переставили лист 66 на место листа 59.

Что же представляет собой незаконченная работа М. Успенского в научном отношении? Специалист по древнерусской литературе может с уверенностью сказать: в ней нет ничего, что прибавляло бы какие-то новые аргументы в обоснование скептического взгляда на «Слово» сравнительно с теми, которые были высказаны в первой половине XIX века, и нет никаких новых материалов. М. Успенский излагает хорошо известные взгляды скептиков, сопровождая их некоторыми одобрительными замечаниями. Кроме того, он спорит с брошюрой С. Руссова «О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием: Слово о Полку Игореве, Игоря Святославля, внука Ольгова» (СПб. 1834). Эта брошюра была слабой и неинтересной даже в год своего выхода в свет и не обратила на себя внимания современников. Легко торжествовать победу над такого рода противником!

Чем же обосновывает М. Успенский необходимость обратиться именно к этой легковесной брошюре? Он утверждает, что никто из исследователей «Слова» не пытался защитить древность этого памятника. Исследователи, мол, только толковали и комментировали «Слово». Но ведь именно удачные толкования и комментарии больше всего убеждают в подлинности «Слова». Игнорировать эти толкования отдельных мест «Слова», подтверждающих его подлинность, и тратить чернила на опровержения Руссова — нелепо.

Что же касается некоторых сопроводительных замечаний М. Успенского к излагаемым им аргументам скептиков, то цена их также не очень высока. Приведу примеры. М. Успенский удивляется, что К. Калайдович задал Мусину-Пушкину свои вопросы о том, какова была рукопись «Слова о полку Игореве», в 1813 году, а не до того, как оно было издано. Но издание «Слова» вышло в 1800 году, когда К. Калайдовичу было восемь лет! Относить К. Калайдовича к числу скептиков только на том основании, что он интересовался сгоревшей в 1812 году рукописью «Слова», также абсолютно невозможно. Отождествляет М. Успенский и икону Пирогощей с иконой Владимирской божьей матери, игнорируя уже существовавшую в его время литературу этого вопроса и отдавая предпочтение как историческому источнику более позднему памятнику — Степенной книге, вернее, ее явной ошибке, при которой икона Пирогощей была переделана в купца Пирогощу. Известная приписка в Апостоле 1307 года, текст которой подражает «Слову о полку Игореве», ошибочно приписана М. Успенским не писцу Диомиду, а игумену Зосиме (впрочем, эту ошибку делает в своих работах и А. Мазон). Не буду останавливаться на других неточностях работы М. Успенского. Сорок прошедших лет накопили обильный новый материал по затронутым им вопросам, но работа М. Успенского даже для своего времени представляла собой произведение чисто дилетантского характера. Очень жаль, что издатели отказались ее комментировать<sup>1</sup>. Этим они ввели в заблуждение читателей, создав у них впечатление, что изложенные в ней аргументы до сих пор имеют непререкаемую силу.

Между тем М. Успенский не был специалистом по древнерусской литературе, и А. Мазон сильно преувеличивает значение его как ученого. В предисловии к книге А. Мазон отводит ему место среди поколения ученых «глубокой культуры и благородного духа», как «Ольденбург, Шахматов, Саитов, Бычков, Платонов, Тарле и его ученики, Томашевский, Эйхенбаум, Виноградов, Жирмунский, Алексеев, Лозинский, Щерба, Берков, Измайлов и Малышев» (стр. 9). Вряд ли такое сопоставление может быть сделано всерьез. Во всяком случае, оно весьма невыгодно для М. Успенского. Из списка опубликованных его статей видно, что он был в основном педагогом и популяризатором. Он писал по вопросам

<sup>1</sup> Не дали издатели и необходимых библиографических уточнений (М. Успенский в своей рукописи говорит об авторах, в большинстве случаев не называя их работ).

методики преподавания различных школьных дисциплин, по краеведению, горному делу и металлургии. Вряд ли можно приписывать ему серьезное участие в открытии русской иконописи как искусства. Сам он явно преувеличивает свое значение. Уважаемый и широко образованный педагог, М. Успенский не может считаться крупным филологом, и взятая им на себя задача была ему в целом глубоко чужда. В своих черновых заметках в той их части, которая не была опубликована А. Мазоном и М. Лараном, М. Успенский и сам грустно заявляет: «Слово о полку Игореве» вызвало громадную литературу, для изучения которой, кажется, недостаточно всей человеческой жизни».

В дополнение к работе М. Успенского вместо необходимого комментария А. Мазон публикует материалы, основная часть которых не имеет к ней отношения. В этих материалах А. Мазон делает попытку заполнить лауну в историографии скептического направления, образовавшуюся с середины XIX века — после открытия «Задонщины», которое, казалось бы, отчетливо продемонстрировало знакомство со «Словом» уже в XV веке. В поисках единомышленников А. Мазон публикует письмо к себе П. Струве, в котором последний склоняется к мысли, что «Слово» написано, вероятнее всего, в XVI веке. Сообщение это для исследователей «Слова» не очень интересно, так как П. Струве не слишком большой авторитет в вопросах филологии, специально «Словом» никогда не занимался, а по вопросам истории Украины и Белоруссии, где, по его мнению, могло возникнуть «Слово», высказывает в этом письме явно ошибочные суждения. Характерно и другое: П. Струве называет А. Л. Шахматова «большим фантазером», и публикатор этого письма А. Мазон не считает нужным отметить свое несогласие с П. Струве.

Далее А. Мазон публикует письмо к себе известного византиста А. Грегуара 1945 года, в котором последний соглашается с выводами А. Мазона относительно «Слова». Если учесть, однако, что через два года А. Грегуар отказался от своей точки зрения и выступил с переводом «Слова о полку Игореве», то письмо это — великолепная демонстрация полной научной объективности крупного ученого, честно и без всякого давления «официальной точки зрения» (давления, столь часто подчеркиваемого А. Мазоном в его книге) отказавшегося от своего первоначального скептицизма.

Публикует А. Мазон и факсимильное воспроизведение письма к себе Алексея Ремизова, в котором последний пишет о том, что ему «чуется, что «Слово» разделяет судьбу Тмутороканского камня» (стр. 153). Приводятся на ту же тему и выдержки из известной книги Н. Кодрянской о Ремизове (Наталья Кодрянская, Алексей Ремизов, Париж, 1959). Ремизов, и по словам Н. Кодрянской, был скептически настроен в отношении «Слова», честно сознавая при этом свою некомпетентность: «Говорю о своих сомнениях, — писал А. Ремизов, — я не ученый». Факт сомнений А. Ремизова безусловно интересен для исследователей творчества

А. Ремизова, но ничем не примечателен для исследователей «Слова».

Довольно много материалов (известных и ранее) приводит А. Мазон о митрополите Евгении Болховитинове, охраняя его репутацию безусловного скептика от А. Соловьева, опубликовавшего в «Трудах отдела древнерусской литературы» заметку «Мнение митрополита Евгения о «Слове о полку Игореве» (т. XX, «Наука», М.—Л. 1964, стр. 383—385). Однако А. Мазону не удалось опровергнуть того безусловного факта, что Евгений Болховитинов считал «Слово» произведением древнерусской литературы, относя его к XV веку. Пытаясь зачислить Евгения Болховитинова в разряд скептиков, А. Мазон усматривает, например, в просьбах его к В. Г. Анастасевичу поискать объяснения для некоторых непонятных слов «Слова» в «словарях славянских диалектов» — гипотезу, «сходную с гипотезой Сенковского» (стр. 141) о позднем происхождении «Слова», хотя Евгений никогда не считал его принадлежащим к XVIII веку.

Возражая А. Соловьеву, А. Мазон совершенно справедливо указывает, что при анализе взглядов того или иного ученого необходимо принимать во внимание все его высказывания. В таком случае, давая анализ взглядов А. Шахматова на «Слово о полку Игореве», нельзя ограничиваться его некрологом Вс. Миллеру («Известия Академии наук», VI серия, 1914, № 2) и некрологом Ф. Коршу (там же, 1915, № 5), где он высказывает предположение, что «Слово» первоначально существовало как устное произведение, записанное впоследствии (но ранее написания «Задонщины», то есть до XV века), а следовало бы принять во внимание по крайней мере его основную работу, в которой более подробно изложены его взгляды на «Слово», — «Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» («Отчет о XII присуждении премий митрополита Макария», СПб. 1910). Из этой большой работы А. Шахматова явствует, что «Слово» было предшественником и образцом для «Задонщины».

Еще в большей степени это же относится к академику А. Белецкому, которого А. Мазон напрасно и оскорбительно для памяти замечательного ученого подозревает в двуличии. Хваля А. Белецкого как ученого, А. Мазон тем не менее заявляет, что отсутствие «Слова» в прекрасном труде «З історії літератури Київської Русі XI—XIII ст.» — намеренное и многозначительное молчание. Все же остальные исследования и характеристики «Слова» у А. Белецкого А. Мазон объявляет «данью традиционному восхищению».

В число своих сторонников А. Мазон зачисляет П. Морозова (кстати, не являющегося специалистом по древнерусской литературе) на том основании, что во «Всеобщей истории литературы» (СПб. 1885, т. II, стр. 745) он поставил ряд вопросов будущим исследователям «Слова» и заявил, что еще многое в нем не разгадано. Но кто же из исследователей «Слова» думает, что в «Слове» все изучено и все ясно?

В число скептиков зачисляет А. Мазон и М. Грушевского, считавшего, что «Слово» — запись песен, сделанных не ранее, чем через пятьдесят лет после похода.

Но самое, пожалуй, удивительное, что А. Мазон готов видеть своего союзника по вопросу о польских элементах в «Слове» в академике А. Орлове (стр. 141), основываясь на том, что А. Орлов включил во второе издание своей книги о «Слове» раздел — «Гипотеза об участии западнорусской стихии в «Слове о полку Игореве». Но у А. Орлова речь шла о раннезападнорусских элементах, а не о позднепольских! И разве можно не принимать во внимание, что следом за этим разделом в то же второе издание своей книги («Слово о полку Игореве», изд. 2-е, Изд. АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 206—213) А. Орлов включил раздел «Слово о полку Игореве» и скептики», цитировать который я не решаюсь ввиду крайней резкости и нетактичности выражений в адрес А. Мазона.

Поиски единомышленников заводят авторов книги довольно далеко. На стр. 131 А. Мазон пишет, что лингвист Г. А. Лексис считает, что, согласно его вычислениям среднего количества слов в предложении, «Слово» напоминает тексты XVIII века. При этом А. Мазон ссылается на статью, опубликованную в «Комсомольской правде» 16 ноября 1963 года. Однако в «Комсомольской правде» от 16 ноября 1963 года никакой статьи, в которой бы приводились материалы Г. Лексиса или излагались выводы его исследований, нет. Нет таких статей и в других номерах той же газеты. В указанном номере есть только короткая запись беседы с математиком, членом-корреспондентом АН СССР А. Марковым — «Мудрость знаков». Вот текст, касающийся «Слова о полку Игореве». Ссылаясь на исследования врача-отоларинголога Н. Чебанова, А. Марков заявил: «Только благодаря математике удалось обнаружить любопытнейшее свойство языка: закон постоянства распределения слов по слогам, во времени. Он выразится в том, что процентное содержание слов в языке с большим, средним и малым количеством слогов *не меняется со временем* (курсив мой.— Д. Л.). Доказательством тому является статистический анализ «Слова о полку Игореве» и «Капитанской дочки», проведенный Чебановым. Он нашел, что закон распределения слов по слогам для них одинаков». Ссылаясь на аналогичные исследования других языков, А. Марков заключает: «Закон распределения слов по слогам необыкновенно стабилен». Как видно, никаких данных о принадлежности «Слова» XVIII веку отсюда извлечь нельзя. Но, может быть, А. Мазон имеет в виду какую-то другую работу Г. Лексиса? Существует лингвист Г. А. Лескис (а не Лексис), опубликовавший в «Вопросах языкознания» (1963, № 3) статью «О зависимости между размером предложения и характером текста». В этой работе имеются подсчеты по «Слову о полку Игореве». Однако сделать из них вывод о близости текста «Слова» текстам XVIII века также совершенно невозможно. Достаточно



сказать, что один из основных результатов работы Г. Лесскиса заключается в выводе о *невозможности* использования рассматриваемых им статистических характеристик размера предложения для установления авторства или времени написания анализируемого текста. Этот вывод является очевидным следствием представленных в статье Г. Лесскиса таблиц. Вот что пишет он по поводу таблицы 4, в которой приведены основные характеристики размера предложений для сплошного авторского повествования: «Именно здесь представлены наибольшие индивидуальные отклонения от средней «нормы» в отношении всех параметров. И если можно использовать вероятностное распределение предложений в тексте по их размерам как показатель индивидуального стиля автора, то, конечно, эти индивидуальные особенности следует искать именно в сплошном авторском повествовании. Таких характерных индивидуальных особенностей обнаружить, однако, не удалось. Таблицы 4, 4а свидетельствуют скорее об индивидуальном характере распределения в каждом произведении, чем о единстве распределения предложений в разных произведениях одного писателя. Ср., например, основные данные по «Казакам» и «Войне и миру» Л. Толстого, по двум романам Достоевского, по трем романам Тургенева. Параметры «Казак» несравненно ближе к параметрам «Преступления и наказания», чем к параметрам «Войны и мира». Даже в пределах одного романа — «Войны и мира» — эти параметры меняются от тома к тому и даже от части к части».

Я остановился на этом вопросе так подробно потому, что слухи о том, что Г. Лесскисом якобы доказано математически, что «Слово» ближе к произведениям XVIII века, чем XII, широко бытуют как за границей, так и у нас.

Говоря о неопубликованной работе А. Зимина о «Слове о полку Игореве», А. Мазон утверждает, что в советской прессе поднялась против А. Зимина «кампания запугивания» («la campagne d'intimidation», стр. 130), выражающаяся в опубликовании двух статей против него — в «Вопросах литературы» (1964, № 8) и в «Вопросах истории» (1964, № 9). Обе эти статьи приписаны мне. Должен сказать, что из этих двух статей только первая («Когда было написано «Слово о полку Игореве»?») принадлежит мне. К написанию же отчета об обсуждении работы А. Зимина о «Слове о полку Игореве», опубликованного в «Вопросах истории», я никакого отношения не имел. Здесь А. Мазон явно был введен кем-то в заблуждение. В появлении этих статей в советской печати нет нарушения научной этики. Читатели «Вопросов литературы» помнят, что моя статья была посвящена вопросу о подлинности «Слова» вообще, и в ней, вопреки утверждениям А. Мазона, работа А. Зимина не разбирается. В ней рассматривается аргументация самого А. Мазона. Напомню, что я писал о докладе А. Зимина: «Доклад этот вызвал большой интерес и разнообразные отклики. Поскольку работа А. Зимина

находится в стадии становления и до сих пор еще не завершена для печати (о том же пишет А. Мазон в своей книге 1965 года на стр. 130.— Д. Л.), нет возможности обсудить ее в данной статье» (стр. 133). Что же касается статьи в «Вопросах истории», то в ней дается отчет об обсуждении работы А. Зимина, представленной на это обсуждение с его согласия в отпечатанном на рота-принте виде. Такого рода отчеты об обсуждениях не опубликованных типографски работ и докладов можно найти в разнообразных научных журналах — наших и зарубежных. Отчет этот, с моей точки зрения, составлен вполне корректно и ничего «запугивающего» в себе не заключает. Единственно, с чем следует согласиться, это с тем, что работа А. Зимина должна поскорее увидеть свет. Без этого невозможно дальнейшее обсуждение вопроса о подлинности «Слова».

Но вернемся к вопросу о «запугиваниях». Конечно, в данной публикации А. Мазоном незаконченной работы М. Успенского и в его других статьях нет также ничего «запугивающего», но есть все же попытка внести в спор ненаучные аргументы, воздействовать на психологию читателей путем различного рода указаний на официальный характер «верований» советских ученых, выступающих в защиту «Слова», путем попыток обвинить их в национализме, сомнениями в их искренности и пр. Открытие «Слова» ставится в один ряд с многочисленными мистификациями конца XVIII — начала XIX века, и при этом замалчивается, что та же эпоха принесла несомненно большее количество ценнейших подлинных открытий древних памятников. Воззрения скептиков отрываются от воззрений так называемой «скептической школы» начала XIX столетия; не упоминается, что те же скептики сомневались в ранней дате «Русской Правды», «Поучения» Владимира Мономаха, «Повести временных лет» и т. д. Такая односторонность не украшает научного спора.

Аргументы тех, кто защищает подлинность «Слова», как и тех, кто стремится доказать, что «Слово» создано в XVIII веке, должны быть рассмотрены полностью, все без исключения и без всяких попыток «чтения в сердцах».

Пользуюсь случаем напомнить, что А. Мазон не дал ответа ни на статьи, опубликованные в сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (М.—Л. 1962), ни на мою статью в «Вопросах литературы», в которой разбирались вовсе не аргументация А. Зимина, а именно А. Мазона. Поиски же единомышленников в прошлом отнюдь не укрепляют позиций «скептиков» в настоящем.

г. Ленинград

---